

Вступлению Марины Цветаевой в группком (первичную профсоюзную организацию) в разной степени содействовали два писателя, чьи биографии связаны с Алтаем

Казалось бы, давняя история о рутине профсоюзной жизни куда больше бы подошла в то время писателям-сатирикам (помните, у Ильфа и Петрова: «Пиво отпускается только членам профсоюза»).

Но Марину Цветаеву вступление в группком в апреле 1940 года буквально спасло и дало надежду получить постоянный литературный заработок.

Вот как об этом периоде жизни Марины Ивановны высказалась Мария Белкина, хранительница архивов Цветаевой, ее преданный биограф и создатель музея: «...ей выплачивали в издательстве деньги за непошедшие переводы стихов, и заключили с ней договор на книгу, и включили в план, и не отказались от книги, несмотря на отрицательный отзыв Зелинского. Ведь возглавляй издательство какой-нибудь чиновник, все было бы иначе и старания Гольцева, Яковлевой, Рябининой, Зырянова оставались бы тщетными...

Яковлева писала, что, встретившись с Мариной Ивановной весной 1940 года, они быстро сошлись, «...причиной тому послужило, конечно, то, что я в те годы вела общественную работу, возглавляя творческую комиссию в группкоме, и могла оказать некоторое содействие Марине, включив ее в работу этой комиссии. Надо сказать, что М. И. не состояла ни в Союзе, ни в Литфонде. Став членом группкома — организации профсоюзной, она почувствовала некую почву под ногами. Я лично без помощи и горячего участия в судьбе М. И. ответственного секретаря группкома тов. Зырянова, разумеется, ничего для нее сделать не могла бы, честь и слава тов. Зырянову, простому человеку, честному партийцу, который в те годы, когда М. И. была в общественном смысле на положении какого-то парии, отщепенца, не побоялся прийти к ней на помощь, приютить ее в группкоме, приветить, хлопотать для нее в Гослитиздате работу по переводам, а стало быть, материальную поддержку».

Венедикт Ермаилович Зырянов, видно, и, правда, был хороший человек и старался помочь Марине Ивановне. Может быть, это он и поставил вопрос о приеме ее в группком перед Александром Фадеевым, во всяком случае, без согласования с Союзом писателей, без «добро» Фадеева он бы сам провести Марину Ивановну в группком не смог, и доказательством

Марина Цветаева с сыном в Доме творчества писателей в Голицыно. 1940. Рядом литературные критики Корнелий Люцианович Зелинский (с газетой в руках) и Виктор Осипович Перцов, а также их жены. Фото из сети Интернет

этому может служить хотя бы тот факт, что собрание вел Бахметьев, он даже, кажется, в это время был и председателем этого группкома. А Бахметьев, в противоположность Зырянову, был человек отнюдь не добрый, и уж он бы сочувствовать да жалеть Марину Ивановну не стал, и достаточно было бы одного его иезуитского вопроса, чтобы прием не состоялся...»

Кто помогал Цветаевой?

Поясню, «кто все эти люди», которые были представлены доброжелателями Цветаевой в четырех

Книга Марии Иосифовны Белкиной
«Скращение судеб». 2017

изданиях книги Марии Белкиной «Скращение судеб». Литературовед Корнелий Люцианович Зелинский написал в 1940 году критическую рецензию на предполагавшуюся к изданию книгу стихов Марины Цветаевой. Он увидел в них «пустоту, бессодержательность». В его отзыве книга была признана «формалистической» и в итоге не была напечатана, что фактически закрыло Цветаевой возможность печататься после ее возвращения в СССР. Считается, что Цветаевой показали только конец статьи Зелинского, потому что в ней было много оскорбительных слов.

Виктор Викторович Гольцев — критик, историк литературы, специалист по грузинской литературе. Цветаева была знакома с Гольцевым по студии Вахтангова, их общение пришлось на конец 1910 — начало 1920 годов. В 1940 году Цветаева встречалась и переписывалась с Гольцевым по поводу переводов стихов грузинского поэта Важа Пшавела.

Нина Герасимовна Бернер-Яковлева, переводчица, автор неопубликованных воспоминаний о Цветаевой, которые разошлись у многих «цветаеведов» на цитаты. Чаще всего приводят отрывок о знакомстве Цветаевой с Арсением Тарковским в доме Яковлевой.

Александра Петровна Рябинина — редактор отдела «Литература народов СССР» в Госиздате.

Венедикт
Зырянов

Владимир
Бахметьев

Венедикт Ермилович Зырянов — наш земляк, уроженец села Николаевка нынешнего Петропавловского района. Участник партизанского движения на Алтае в 1919 году, большевик с 1920 года, литератор — с 1934-го. В бывшей экспозиции Центрального музея Советской Армии в Москве демонстрировалась работа скульптора Георгия Дмитриевича Лаврова «Красный партизан Алтая». Исследователи считают, что в 1925 году Лавров выполнил портрет Венедикта Зырянова, своего бывшего соратника по недолгой партизанской борьбе в составе 6-й Горно-Степной партизанской дивизии Фёдора Архипова.

И, наконец, Владимир Матвеевич Бахметьев — бывший земец, был сослан в Барнаул во время революции 1905 года, автор сибирских литературных сборников. Наибольшую известность получил его роман «Преступление Мартына» (1928), который Всеволод Шкловский подробно разобрал как своеобразный советский ремейк на роман Джозефа Конрада «Лорд Джим» (1900). Ранние рассказы «На земле», «У последней воды», «Сухой потоп» были созданы на основе впечатлений, почерпнутых во время пребывания на Алтае.

Чисто психологически отнестись настороженно к Цветаевой, ранее воспевавшей белогвардейцев, должен бы бывший красный партизан Зырянов.

Белая гвардия, путь твой высок:
Чёрному дулу — грудь и висок.
Божье да белое твоё дело:
Белое тело твоё — в песок.
Не лебедей это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Белым видением тает, тает...
Старого мира — последний сон:
Молодость — Доблесть — Вандея — Дон.

11 марта 1918

Интеллигентный земец Бахметьев, казалось бы, Марине Ивановне был куда ближе. Но в жизни все оказалось ровно наоборот. ❏